

А. И. Макаров

Самарский государственный институт культуры, Самара;

Издательство «Паиков дом» Российской государственной библиотеки, Москва, Россия.

a.makarov_03@mail.ru

КНИЖНЫЙ ВКЛАД 1625 Г. В САМАРСКИЙ ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Изучение зарождения книжной культуры Самары в первой половине XVII в. открывает новые аспекты истории города и региона. Статья посвящена печатной книге – январской Минее (1622), данной вкладом в 1625 г. в самарский монастырь. Эта книга является на сегодняшний день самым древним произведением печати, связанным с Самарой. Изучение обстоятельств этого вклада расширяет представления об истории первых монастырей Самары, а также о культурных и экономических связях города.

Ключевые слова: Самара, Минея, самарский Преображенский монастырь, бояре Салтыковы, купцы Судовщиковы

Уникальный во многих отношениях лицевой рукописный сборник, созданный в 1628–1629 г. в волжском городе Самаре (основан в 1586 г.) и известный ныне как Самарская рукопись, после введения в научный оборот считался самым древним из дошедших до наших дней культурным памятником истории города. Его изготовление связано с одним из представителей боярской аристократии, влиятельным царедворцем первых лет правления царя Михаила Федоровича – Борисом Михайловичем Салтыковым (+ 1646), служившим в 1626–1633 гг. в Самаре воеводой. Мы неоднократно обращались к обстоятельствам создания и бытования этого манускрипта в своих публикациях¹. В настоящее время удалось обнаружить еще один документ данного периода, связанный с Самарой, причем более ранний. Речь идет об экземпляре служебной Минее на январь, изданной в Москве в 1622 г. В 1625 г. он был дан вкладом в один из самарских монастырей. Разумеется, существуют и другие относящиеся к Самаре письменные документы, которые много старше означенных книг, – акты делопроизводственных органов. Однако книги по сравнению с актами делопроизводства представляют собой иной феномен культуры – литературные произведения.

В настоящее время Минея, вложенная в самарский монастырь, хранится в Государственном музее-заповеднике «Ростовский кремль» (город Ростов Великий; шифр хранения – ГМЗРК Ц-2114) (Ил. 1). В начале 2000-х гг. книга была научно описана в рамках «Программы каталогизации кириллических книг Ярославской области» [Кириллические издания, № 99, с. 114–115]. В самой Самаре книга и ее история пока остаются неизвестными.

Отношение Минее к Самаре обнаруживается в содержании скрепы на нижних полях нескольких страниц книги (Л. 1–10 второго счета; текст передается в упрощенной орфографии): «Лета 7133 мая в 11 день дали сию книгу на Самаре в Преображенский монастырь государевы гости Смирной да Третьяк Судовщиковы по родителей своих» (Ил. 2–3). Следовательно, Минея была дана вкладом в самарский Спасо-Преображенский монастырь 11 мая 1625 г. – за 3 года до создания Самарской рукописи, за год до прибытия в Самару на воеводство Б. М. Салтыкова.

Понятно, что богослужебные книги, без которых невозможно совершать церковные службы, имелись в Самаре со времени основания города. Считается, что первая церковь,

¹ В настоящее время Самарская рукопись хранится в РНБ. С 2016 г. рукопись с транслитерацией текста и научным описанием представлена на электронном ресурсе РНБ «Книжное сокровище древней Самары» (URL: http://expositions.nlr.ru/ex_manus/samara/ (дата обращения: 09.02.2021)); в том же году было предпринято научное издание предисловия рукописи – брошюра: Первое литературное произведение Самары / Публ., транслит., пер., коммент. А. И. Макарова. М., 2016. Подробное описание истории создания рукописи, личностей возможного ее заказчика, а также владельцев см.: [Макаров, 2012а; Макаров, 2020].

построенная одновременно с крепостью, именовалась Троицкой [Дубман, 2005, с. 20; Алабин, с. 96], к середине же 1620-х гг. наряду с церковью в Самаре существовали и монастыри. Таким образом, к 1620-м гг. в городе должны были иметься в наличии несколько комплектов богослужебных книг. Но о том, сохранились эти книги или нет, современным исследователям ничего не известно. Пребывающая ныне в стенах Ростовского музея Минея является самой древней книгой из известных на сегодняшний день, имеющих отношение к Самаре. В этом статусе Минея потеснила Самарскую рукопись, но за последней все же остается привилегия первой книги, созданной непосредственно в этом городе.

Рассматриваемая Минея является экземпляром издания служебной Минеи (в 12 томах), предпринятого на Московском печатном дворе в 1619–1630 гг. Это был масштабный проект – первая на Руси публикация полного годового минейного комплекта, в который впервые (по сравнению с предшествовавшими рукописными Минеями) вошли службы в честь большинства общерусских святых и Богородичных икон. Таким образом, это издание явилось первым в мире полным изданием славянской служебной Минеи. Попытка выпустить годовой минейный комплект предпринималась еще в 1607–1610 гг. при царе Василии Шуйском. Но в условиях политического и гражданского нестроения смогли издать только три первых тома – сентябрьский, октябрьский и ноябрьский – и набрать треть декабрьского тома. В издании 1619–1630 гг. сентябрьский, октябрьский и ноябрьский тома повторены практически без изменений по сравнению с изданием 1607–1610 гг. [Лебедев, с. 52–53], и только с январского тома, который и был дан вкладом в самарский монастырь, началось собственно новое издание – в каждый том стали вноситься все службы в честь общерусских святых и праздников без отсылок к другим книгам, причем эти службы помещались в определенный для них день месяца, а не в конец тома, как раньше [Лебедев, с. 104–105].

Работа над минейным изданием 1619–1630 гг. (над первым, сентябрьским, томом) началась на Московском печатном дворе в июле 1618 г. [Лебедев, с. 149]. Делами Московского печатного двора до середины XVII в., до патриарха Никона, ведали одновременно Приказ Большого дворца (с определенного времени через Приказ печатных дел) и Патриарший двор, то есть государственный и церковный органы, удельный вес которых в управлении Печатным двором в разные годы менялся [Рогов, с. 159–162]. Приказ Большого дворца с весны 1613 г., с самого момента избрания царем Михаила Романова, и до 1621/1622 г. возглавлял будущий самарский воевода боярин Борис Салтыков², который в том числе действительно занимался книгопечатным делом [Макаров, в печати]. Патриарха же в 1618 г., при начале работ по изданию Минеи, на Руси, как известно, не было, патриаршей кафедрой управлял местоблюститель. Только в июне 1619 г. патриархом был избран вернувшийся из польского плена отец царя Михаила Федоровича митрополит Филарет, который, включившись в управление как церковью, так и государством, одной из главных своих забот посчитал попечение о книгоиздании и духовном просвещении. В вопросах книгоиздания патриарх по сравнению с Б. М. Салтыковым, конечно, стал играть первенствующую роль. Одновременно Филарет пресек влияние при дворе клана Салтыковых. В продолжение именно этой политики патриарха через несколько лет Б. М. Салтыков оказался в опале, в ссылке и, в конце концов, на воеводстве в захолустной Самарской крепости, где при нем была создана Самарская рукопись.

В патриаршество Филарета (1619–1633) книгопечатное дело достигло небывалого размаха: из московской типографии книг вышло больше, чем за всю предшествовавшую эпоху русского книгопечатания (с 1564 г.) [Макарий (Булгаков), с. 296]. Очевидно, что патриарх Филарет приложил немало личных усилий и к масштабному проекту минейного издания 1619–1630 гг.

Известно, что тираж первых двух, сентябрьского и октябрьского, томов Минеи составлял по 500 экземпляров [Лебедев, с. 149]. Во исполнение традиции подношения новоизданных книг

² Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 104, 1140; [Морозова, с. 38; Богоявленский, с. 284; Шватченко, с. 163]. Ср.: Приходо-расходные книги Казенного приказа // РИБ. СПб., 1884. Т. 9. С. 7.

государю и патриарху именно эти два тома Минеи (после выхода в ноябре 1619 г. октябрьского тома) царю и его матери, великой старице Марфе Ивановне, «отдавал» родной брат Бориса Михайловича Салтыкова кравчий Михаил Михайлович Салтыков († 1671) [Поздеева, Пушков, Дадыкин, с. 314], так же как и брат, со временем подвергшийся опале. Тираж последующих томов Минеи варьировался от 1004 до 1039 экземпляров [Лебедев, с. 149–150].

Работа над январским томом, экземпляр которого был вложен в самарский монастырь, была начата в декабре 1620 г. и окончена в феврале 1622 г., его тираж составил 1027 экземпляров [Лебедев, с. 149]. Известно, что над январским томом трудился справщик старец Арсений. Очевидно, что это не кто иной, как Арсений Глухой († после 1635) [Лебедев, с. 103–104], активно общавшийся в 1615–1618 гг. с Б. М. Салтыковым как организатором sprawy Требника 1602 г. издания [Макаров, в печати].

Датировка 1625 г. вклада Минеи в самарский Преображенский монастырь чрезвычайно важна для истории древних самарских обитателей, от которых к настоящему времени не осталось и следа. Вообще, материалов по первоначальной истории Самары сохранилось крайне мало, поэтому находки, подобные вкладной Минеи и Самарской рукописи, очень ценны.

В первой половине XVII в. городок Самара представлял собой небольшую деревянную крепость (кремль, детинец), вокруг которой располагался посад, обнесенный частоколом (острог). За пределами острога в то время уже образовалось несколько слобод. От этих первоначальных построек Самары к настоящему времени ничего не сохранилось. Гарнизон крепости, например, на 1629 г. насчитывал 392 человека³, стало быть, всего в Самаре тогда было порядка 1000 или несколько больше жителей.

За пределами самарского острога существовали два монастыря, мужской и женский, причем одинакового посвящения – Спасо-Преображенских. К сожалению, содержание скрепы в Минеи не дает никаких оснований для выбора, в какой из монастырей, мужской или женский, был сделан вклад. Только анализ истории обоих монастырей предоставляет некоторые основания для подобного выбора.

Монастыри эти, конечно, были небольшими, все постройки в них в первой половине XVII в. были деревянными. Местоположение их в современной Самаре принципиально определимо: обители располагались на волжском склоне, на уровне современной улицы Водников (ранее именовавшейся по названию этих монастырей Преображенской), женский монастырь – непосредственно под стенами острога, мужской – в каких-нибудь 300 метрах к северу от него⁴.

Первые сведения о женском монастыре относятся к 1624–1625 г.⁵, как раз ко времени, когда был осуществлен вклад Минеи.

Самая ранняя документально зафиксированная дата в истории мужского монастыря – 1631 г. (период воеводства в Самаре Б. М. Салтыкова). Этим годом датируются два документа различного происхождения, содержание которых не связано между собой очевидным образом. Первый из документов – грамота игумена означенного монастыря Феодорита, подтверждающая принятые им на себя обязательства в отношении поселившихся в вотчине возглавляемой им обители беглых крепостных крестьян Троице-Сергиева монастыря (будущей лавры)⁶.

Ниже приводятся (по нашим сведениям, впервые) текст этой грамоты в упрощенной орфографии (слева) и его русский перевод (справа)⁷:

³ Сметный список 7139 году // Временник Императорского московского Общества истории и древностей российских. М., 1849. Кн. 4. Ч. 3. Смес. С. 45.

⁴ Подробнее о церковных постройках Самары XVI–XVIII вв., в том числе об этих монастырях, см.: [Макаров, 20126].

⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 38 (А. А. Гераклитов). Оп. 1. Д. 66. Л. 109.

⁶ Отдел рукописей РГБ. Ф. 303/1 (Грамоты, копииные книги Троице-Сергиевой лавры). № 562. Л. 114–116 об. До передачи в начале 1920-х гг. в Румянцевский музей (ныне РГБ) грамота хранилась в архиве Троице-Сергиевой лавры.

⁷ Автор выражает благодарность за помощь в переводе и консультации в интерпретации текста культурологу Н. В. Буцких (Санкт-Петербург) и историку к.и.н. Г. Г. Донскому (Университет Дмитрия Пожарского, Москва).

Се аз, Преображенского монастыря из Самары игумен Феодорит, в нынешнем, во 139-м, году били челом великому Государю, святейшему Филарету Никитичу, патриарху Московскому и всея Руси, Живоначальные Троицы Сергиева монастыря власти, архимандрит Деонисей, да келарь старец Александр, да казначей старец Иоасаф, с братиею, что Троицкого Алаторского монастыря из вотчины из деревни Малого Барышка выбежали старинные троицкие крестьяне Микифорко прозвище Гусь да Олешка Резан с товарищи шесть человек да Троицкого же Свяжского монастыря из вотчины из села Услону Пронка Иванов з женами и з детми и со всеми крестьянскими животы, а выбежав, ныне живут на Самаре, Преображенского монастыря в вотчине, под Лысою горою тому четвертой год, и имали по тех троицких крестьян во крестьянстве его Государеву святительскую грамоту. И я, игумен Феодорит, не посылая тех крестьян к Москве, Живоначальные Троицы Сергиева монастыря властем бил челом и с Троицким стряпчим Иваном Павловым, не ходя в суд, договораяся, зделку учинили полюбовно на том, что мне, игумену Феодориту, тех троицких беглых крестьян, что выбежали ис троицких вотчин – из Олаторского уезду из деревни Малого Барышка и из Свяжского уезду из села Услону, Микифорка прозвище Гуся с товарищи з женами и з детми и со всеми крестьянскими животы отдать Живоначальные Троицы Сергиева монастыря старцу или слуге,

Я, Преображенского монастыря в Самаре игумен Феодорит. В нынешнем, 139-м, году⁸ власти Живоначальной Троицы Сергиева монастыря – архимандрит Дионисий, келарь старец Александр, казначей старец Иоасаф – с братией били челом великому Государю святейшему Филарету Никитичу, патриарху Московскому и всея Руси⁹, [о том], что из вотчины алатырского Троицкого монастыря¹⁰, из деревни Малый Барышок¹¹, сбежали старинные троицкие крестьяне¹² – Никифорка по прозвищу Гусь и Олешка Резан с товарищами, [всего] шесть человек, да из вотчины свяжского Троицкого же¹³ монастыря, из села Услон¹⁴, [сбежали крестьяне, в частности], Пронка Иванов, с женами и с детьми и со всем [их] крестьянским имуществом. А сбежав [оттуда], ныне, уже четвертый год, [они] живут в вотчине самарского Преображенского монастыря, под Лысой горой¹⁵. И [челобитчики, то есть власти Троице-Сергиева монастыря] имели в отношении тех троицких крестьян государеву святительскую грамоту¹⁶, [что те действительно являются их крепостными] крестьянами. И я, игумен Феодорит, не посылая тех крестьян в Москву, к властям Живоначальной Троицы Сергиева монастыря, бил [властям монастыря] челом, и со стряпчим Троицкого монастыря¹⁷, Иваном Павловым, не обращаясь в суд, договорившись, [мы] полюбовно решили, что мне, игумену Феодориту, тех троицких беглых крестьян, которые сбежали из троицких вотчин – из деревни Малый Барышок Алатырского уезда и из села Услон Свяжского уезда, Никифорку по прозвищу Гусь с товарищами, с женами и с детьми и со всем [их] крестьянским имуществом, [следует] отдать старцу или слуге Живоначальной Троицы Сергиева монастыря,

⁸ Приведенная в тексте дата по летосчислению от Сотворения мира – [7]139 г. – в пересчете на эру от Рождества Христова охватывает период с 1 сентября 1630 по 31 августа 1631 г. Но, судя по контексту (крестьяне посеяли яровой хлеб и еще не собрали его), грамота написана не ранее мая и не позднее августа, то есть в 1631 г.

⁹ Все перечисленные имена – идентифицируемые в истории лица: помимо патриарха Филарета это архимандрит Дионисий (Зобнинский) – настоятель Троице-Сергиева монастыря в 1610–1633 гг.; старец Александр (Булатников) – келарь (заведующий хозяйством) того же монастыря в 1622–1641 гг.; старец Иоасаф (Сороцкий) – казначей того же монастыря в 1630–1634 гг.

¹⁰ Свято-Троицкий монастырь в г. Алатыре (в современной Чувашской Республике), основанный во второй половине XVI в., в 1615–1763 гг. был приписан к Троице-Сергиеву монастырю (лавре).

¹¹ Село Малый Барышок существует и ныне – в составе Сурского района Ульяновской области, в 44 км от алатырского монастыря.

¹² То есть крепостные крестьяне, давно принадлежавшие Троице-Сергиеву монастырю.

¹³ То есть монастырь в г. Свяжске имел то же посвящение, что и алатырский, и Сергиев монастыри – во имя Святой Троицы, и являлся подворьем Троице-Сергиева монастыря.

¹⁴ Существующее и ныне село Верхний Услон, в 20 км от Свяжска, является районным центром Верхнеуслонского района Республики Татарстан.

¹⁵ Несомненно, речь идет о расположенном на противоположном от Самары берегу Волги селе Ильинском (другое название Подгоры), которое принадлежало самарскому мужскому Спасо-Преображенскому монастырю. «Село Ильинское под Лысою Горю» вместе с самарским Спасо-Преображенским монастырем в качестве патриаршей вотчины фигурирует, например, в жалованной грамоте 1648 г., данной патриарху Московскому и всея Руси Иосифу (Архив СПбИИ РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 220–221). Ныне село Подгоры находится в составе Волжского района Самарской области.

¹⁶ То есть имели грамоту патриарха Филарета.

¹⁷ Монастырский стряпчий вел судебные дела монастыря.

<p>ково для них троицкие власти пришлют, на срок на Николин день осенней 140-го году. А что те крестьяне будучи в преображенской вотчине к нынешнему, 139-му, году сеяли ржаного и ярового хлеба, и той хлеб дать им, крестьянам, пожать и, обмолютя, свести в троицкую вотчину вовремя и никоторого им убытка не учинити. А будет я, игумен Феодорит, тех троицких беглых крестьян, Никифорка прозвище Гусь с товарищи з женами и з детми и со всеми крестьянскими животы и с хлебом, на тот срок троицкому старцу или слуге, ково власти пришлют, на тот срок не отдам или хлеба своего, которой она сеяли к нынешнему, 139-му, году, сжать вовремя и свести не дам, и Живоначальные Троицы Сергиева монастыря стряпчему Ивану Павлову взяти заряд на мне сто рублей денег, да и монастырские убытки, что в той троицкой казне в тех крестьянех учинитца по сей записи все сполна, и те монастырские крестьяне з женами и з детми и со всеми крестьянскими животы по тому же отдать мне в троицкую вотчину и впредь в них не вступатца. По сей записи в том я, игумен Феодорит, троицкому стряпчему Ивану Павлову на себя и запись дал, а на то послуши Бажен Прокофиев, да Федор Никифоров, да Семен Ларин. А запись писал Неудачка Жердев лета 7139-го году.</p> <p>А назади на подлинной записи написано: К сей записи игумен Феодорит руку приложил, послух Баженко и руку приложил, послух Федка и руку приложил, послух Семейка руку приложил.</p>	<p>кого за ними троицкие власти пришлют, в срок на осенний Николин день 140-го года¹⁸. А поскольку те крестьяне, будучи в преображенской вотчине, к нынешнему, 139-му, году¹⁹ сеяли ржаной и яровой хлеб, то тот хлеб дать им сжать и, обмолов, вовремя свести в троицкую вотчину и никакого убытка крестьянам не учинить. А случится [так, что] я, игумен Феодорит, тех троицких беглых крестьян – Никифорку по прозвищу Гусь с товарищами, с женами и с детьми, и со всем [их] крестьянским имуществом, и с хлебом – к тому [указанному] сроку троицкому старцу или слуге, ково власти пришлют, не отдам или хлеба их, который они сеяли к нынешнему, 139-му, году, сжать вовремя и свести не дам, тогда стряпчему Живоначальной Троицы Сергиева монастыря Ивану Павлову взяти с меня, по договору о неустойке, сто рублей денег, да и монастырские убытки, которые в той троицкой казне по тем крестьянам окажутся, в соответствии с этой записью, [возместить с моей стороны] все сполна. И тех монастырских крестьян с женами и с детьми и со всем [их] крестьянским имуществом мне также [следует] отдать в троицкую вотчину и впредь [в дела в отношении них] не вмешиваться. Составив этот документ, в этом я, игумен Феодорит, дал подпись стряпчему Троицкого монастыря Ивану Павлову, а свидетели этому – Бажен Прокофьев, Федор Никифоров и Семен Ларин. Документ этот составил Неудачка Жердев в 7139 году.</p> <p>На обратной стороне этого подлинного документа написано: К этой записи игумен Феодорит руку приложил, и свидетель Баженко руку приложил, и свидетель Федка руку приложил, свидетель Семейка руку приложил.</p>
--	--

Грамота отражает вполне типичное для первой половины XVII в., до принятия Соборного уложения 1649 г., дело, когда действовал принцип урочных лет – ограничение определенным сроком (обычно в 5 лет) права крепостника обратиться в суд для возвращения ушедших от него крестьян. При этом новый хозяин, дорожа оказавшимися у него новыми работниками, не стремился их возвращать. В данном случае сбежавшие из вотчин Троице-Сергиева монастыря крестьяне около 1627 г. поселились на землях самарского мужского Преображенского монастыря. Власти Троице-Сергиева монастыря достаточно быстро нашли их и в конце 1630 – начале 1631 г. подали об этом челобитную патриарху, приложив документы на владение этими крестьянами. Тем самым власти Троице-Сергиева монастыря не оставили шансов игумену самарского монастыря сохранить этих крестьян за собой. Вынужденный отвечать самарский игумен Феодорит между маем и августом 1631 г. написал рассматриваемую грамоту. В ней он оправдывается тем, что ранее уже докладывал властям Троице-Сергиева монастыря об этих крестьянах и имеет договор с монастырским стряпчим о препровождении крестьян в Троице-Сергиев монастырь к 6 декабря 1631 г. При этом самарский игумен обязывается передать Троице-Сергиеву монастырю хлеб, который вырастили эти крестьяне на его земле.

Второй из документов, в котором фиксируется самое раннее упоминание о самарском мужском монастыре, буквально современен первому. Это датированная 22 июня 1631 г.

¹⁸ То есть 6 декабря 1631 г.

¹⁹ То есть к лету 1631 г.

запись в пошлинных книгах Печатного приказа, содержащая предписание самарскому воеводе «дать суд» на игумена самарского Преображенского монастыря по челобитью стольника Льва Плещеева²⁰.

Очевидно, что не поименованный в этом документе воевода – это Б. М. Салтыков, а непоименованный игумен монастыря – тот же Феодорит. Без сомнения, Салтыков и игумен Феодорит в Самаре знали друг друга. Оба, таким образом, являются яркими фигурами в раннем периоде истории Самары. Неизвестно, одно и то же дело или разные дела отражены в грамоте игумена Феодорита и в рассматриваемой записи, но и в записи зафиксирована, скорее всего, некая тяжба с самарским монастырем, истцом в которой выступал стольник Лев Плещеев²¹. Историк начала XX в. А. А. Гераклитов считал, что предметом дела, отраженного в этой записи, были крестьяне Плещеева, которыми завладел самарский монастырь [Гераклитов, с. 211]. Такой вывод А. А. Гераклитов делал, сравнивая эту запись (при этом он, очевидно, не знал о существовании грамоты игумена Феодорита) с более поздней записью в книгах Печатного приказа, датированной 31 октября 1633 г., об оставлении за самарским монастырем неких крестьян «по-прежнему»²².

Примечательно, что к 1631 г. первое упоминание о самарском мужском Спасо-Преображенском монастыре относил в своем многотомном труде «История Русской церкви» митрополит Макарий (Булгаков) [Макарий (Булгаков), с. 382] (над шестым томом «Истории», в котором помещена эта информация, автор работал в период не позднее 1860-х гг.). Он явно основывался на означенных двух документах 1631 г. – грамоте игумена Феодорита и записи в пошлинных книгах Печатного приказа – или на каком-то одном из них.

Но для нас более содержания этих двух документов важен их контекст. А он в обоих случаях свидетельствует об одном и том же, а именно о том, что владевший вотчинами и крепостными крестьянами самарский мужской монастырь к 1631 г. уже имел налаженную хозяйственную деятельность. Следовательно, дату основания монастыря следует относить к более раннему времени, как минимум к 1620-м гг.²³ Мнение о том, что основание монастыря современно началу самой Самарской крепости, то есть 1580-м гг., высказывал первый собиратель сведений о древних самарских обителях археограф XIX в. К. И. Невоструев ([Невоструев, с. 3]; ср.: [Дубман, 2006, с. 59]). Будучи современниками, К. И. Невоструев и митрополит Макарий (Булгаков) свои выкладки о самарском монастыре опубликовали приблизительно в одно и то же время.

В истории самарского мужского монастыря немаловажна деталь приписки его в определенное время патриаршей кафедре. Так, содержащиеся в грамоте игумена Феодорита сведения о подаче челобитной о сбежавших крестьянах властями Троице-Сергиева монастыря патриарху Филарету косвенно могут свидетельствовать о том, что самарский монастырь уже тогда, в 1631 г., состоял в ведении не местного (казанского) епископа, а патриарха. Если это

²⁰ РГАДА. Ф. 233 (Печатный приказ, г. Москва). Оп. 1. Д. 15. Л. 122.

²¹ Льва Плещеева можно отождествить, скорее всего, со стольником Львом Афанасьевичем Плещеевым (+ 1645), позднее описываемых событий, а именно в 1643–1644 гг., бывшим в Самаре воеводой.

²² РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 20. Л. 78 об.–79. Дата этой записи – конец октября 1633 г. – очень интересна. Дело в том, что 1 октября 1633 г. почил патриарх Филарет, и по этому случаю уже через три дня последовала царская амнистия Салтыковых. Б. М. Салтыков, возвратившийся в Москву, участвующий в церемониях при царском дворе, фиксируется по документам с 6 января 1634 г. Следовательно, к концу октября 1633 г. он уже мог покинуть Самару. Рассматриваемая запись в книгах Печатного приказа адресована не называемому по имени самарскому воеводе, коллективным истцом в ней, обращавшимся, вероятно, к московским властям, указан игумен Феодорит с братией монастыря. Не был ли связан этот иск о крестьянах самарского монастыря с кончиной патриарха Филарета, тем более что уже в это время монастырь мог подчиняться напрямую патриаршей кафедре, а не местному епископу (о чем будет сказано ниже)?

²³ Вывод о существовании мужского монастыря до 1631 г. делал А. А. Гераклитов, опираясь при этом, как было отмечено выше, только на содержание двух записей, 1631 и 1633 гг., в пошлинных книгах Печатного приказа, не зная, вероятно, о наличии грамоты игумена Феодорита 1631 г. [Гераклитов, с. 211].

так, то подчинение игумена Феодорита непосредственно патриарху Филарету могло вносить определенные аспекты во взаимоотношения игумена и опального воеводы Салтыкова. О подчинении самарского монастыря патриаршей кафедре также могут свидетельствовать присутствие в описи домового казны патриарха Никона 1658 г. трех касающихся монастыря документов и само их содержание. Это переписная книга монастыря (без указания даты)²⁴ и два документа финансово-долгового характера, датированные 1639 г., – о займе жителем Свяжска 100 рублей «ис Самары у преображенского Игумена Федорита»²⁵ и о взятии денег «с Самары с Преображенского монастыря» на жалованье государевым ратным людям, отправленным «по Крымским вестям»²⁶. Монастырь «на Самаре» как «патриарший домовый» значителен без ссылок на источники в черновом рукописном перечне монастырей, пустынь, соборов, составлявшемся К. И. Невоструевым в 1869–1870-х гг.²⁷ Документально же самарский мужской монастырь упоминается в числе домовых патриарших монастырей с 1640 г. Такой вывод делается на основании жалованной грамоты 1648 г. на имя патриарха Московского и всея Руси Иосифа. Этой грамотой патриарху Иосифу давались во владение самарский монастырь и его вотчины и отмечалось, что это делается по прецеденту: до 1641 г. ими владел его предшественник патриарх Иоасаф²⁸. Известно, что патриарх Иоасаф I (преемник патриарха Филарета) умер в конце 1640 г.

Приписка монастыря к архиерейской (в данном случае патриаршей) кафедре или к другому монастырю происходила, как правило, по причине бедности приписываемого монастыря, его невозможности жить без материальной помощи. В отношении же самарского монастыря вряд ли можно сказать, что он был бедным. Напротив, уже в первой половине XVII в. он владел многими рыбными ловлями, селами и угодьями. Историк А. А. Гераклитов отмечал «факт необычайно быстрого роста самарского монастыря» (мужского) по сравнению с современными ему саратовским и царицынским монастырями, которые «в течение всего XVII в. жили казенным денежным и хлебным жалованьем»; «о причинах такого быстрого обогащения [самарского монастыря] ... документы молчат; одно можно сказать с уверенностью, что все эти богатства не результат усердия жителей бедной и малонаселенной Самары» [Гераклитов, с. 212]. Историк, очевидно, предполагал некое покровительство монастырю со стороны влиятельных и (или) богатых лиц. (Знал ли А. А. Гераклитов о значении фигуры самарского воеводы Б. М. Салтыкова, имя и отчество которого он неправильно указал в составленном им списке самарских воевод [Гераклитов, с. 241]? У современных исследователей нет сомнения, что в ранней истории Самары Салтыков по своему положению был одной из самых влиятельных фигур.) «При таких обстоятельствах, – продолжал свою мысль А. А. Гераклитов, – еще менее ясна причина приписки монастыря к патриаршей кафедре» [Гераклитов, с. 212]. Можно думать, что причина приписки была не в бедности монастыря, а, наоборот, в использовании его патриаршим двором в качестве доходной вотчины.

Вообще, одновременное существование в маленьком населенном пункте, каким в 1620-х гг. была Самара, двух одноименных, Спасо-Преображенских, мужского и женского монастырей вызывает некоторое удивление. Возникают резонные предположения: либо монастыри были основаны и существовали настолько изолированно друг от друга и от самого города, что

²⁴ Переписная книга домового казны Патриарха Никона, составленная в 7166 году по повелению Царя Алексея Михайловича // Временник ОИДР. М., 1852. Кн. 15. Ч. 2. Материалы. С. 79.

²⁵ Там же. С. 90.

²⁶ Там же. С. 91.

²⁷ НИОР РГБ. Ф. 193 (А. И. и К. И. Невоструевы). Карт. 14. № 2 (Перечень монастырей, пустынь, соборов и др. – материалы к указателю). Л. 4 об.

²⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 220–221. Ср.: [Гераклитов, с. 211–212]. Вероятно, эту же жалованную грамоту имел в виду, но неправильно ее интерпретировал митрополит Макарий (Булгаков), отмечавший, что самарский монастырь был приписан к патриаршей кафедре в 1648 г. [Макарий (Булгаков), с. 383].

никак не соотносились с общегородскими нуждами, с городской топонимикой, то есть могли быть основаны как отшельнические пустыни задолго до закладки самого города (строить в городе, в котором существовал единственный приходской храм (Троицкий), два монастыря с одинаковым посвящением – странно), либо монастыри имели в своем происхождении нечто общее: некогда единый монастырь разделился на две обители, мужскую и женскую, в каждой из которых сохраняли прежние традиции²⁹.

Отдать предпочтение мужскому монастырю как месту вклада Минеи перед женским монастырем подвигают те соображения, что женская обитель в отличие от владевшего селами, угодьями и крестьянами мужского монастыря была совсем маленькой, существовала только на казенное жалованье; мужской монастырь, в любом случае, был более известен, нежели женский, в том числе среди торговых людей, к которым относились вкладчики Минеи.

Таким образом, если Минея была вложена все же в мужской, а не в женский монастырь, то 1625 г. становится на сегодняшний день самой ранней документированной датой в хронологии самарского мужского Спасо-Преображенского монастыря. Открытие сведений о вкладной Минеи документально удревнило историю монастыря на 6 лет и отнесло первые свидетельства о нем, как и предполагалось историками, по крайней мере в 1620-е гг.

В 1738 г. мужской монастырь был упразднен, монастырская деревянная Спасо-Преображенская церковь обращена в приходскую, при пожаре 1765 г. она сгорела [Невоструев, с. 4–5; Елшин, с. 38]. В 1764 г. был упразднен женский монастырь [Невоструев, с. 8]. После середины XX в. никаких видимых следов этих монастырей в Самаре не сохранилось. Изображения монастырских построек должны присутствовать на гравюре панорамы Самары со стороны Волги, выполненной по рисунку художника Джона Кэстля, прожившего в Самаре несколько лет в конце 1730-х гг. [Артамонова]. Это наиболее достоверное рисованное изображение старой Самары. Мужской монастырь должен располагаться в центральной части гравюры, женский монастырь – в правой части.

Как понятно из скрепы на страницах Минеи, в самарский монастырь она была вложена гостями (купцами) Смирноем и Третьяком Судовщиковыми в поминание об их родителях. Означенные в записи лица – весьма известные в первой половине XVII в. русские купцы, обладавшие высоким купеческим званием гостей, – братья Константин (по прозвищу Смирной) и Тимофей (по прозвищу Третьяк) Никитичи Судовщиковы. Временем их рождения можно считать вторую половину XVI в., датой кончины и Константина, и Тимофея указывается 1631 г. [Кириллические издания, № 99, с. 115].

Первоначально братья значились посадскими людьми города Калуги. Возможно, они состояли в родстве с патриархом Московским и всея Руси Гермогеном [Кистерёв]. В число крупных купцов Судовщиковы выдвинулись при царе Василии Шуйском [Голикова, с. 90]. Константин Смирной Судовщиков, согласно известному «Сказанию» Авраамия Палицына, в период работы Земского собора 1613 г. поддерживал от Калуги и северских городов избрание царем Михаила Романова³⁰, подпись Смирной Судовщикова стоит на Утвержденной грамоте собора [Павлов, с. 83–84]. То, что он был избран на собор не только от Калуги, но и от северских городов, свидетельствует о его широкой известности [Голикова, с. 90]. Звание гостя Константин Судовщиков получил в мае 1613 г., сразу же по прибытии избранного царя Михаила в Москву [Кистерёв, с. 40–42]: у правительства нового царя «должны были оказаться серьезные основания для пожалования Судовщикова в гости в первые же дни пребывания Михаила Федоровича в Москве, по меньшей мере, он был достаточно хорошо известен власть предержащим» [Кистерёв, с. 42].

²⁹ Для различения самарских монастырей женский монастырь в литературе часто назывался Спасским, в то время как мужской монастырь именовался Спасо-Преображенским.

³⁰ Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 231–233.

Судовщиковы вели обширную торговлю по речным артериям – Волге, Оке, в частности, торговали солью с Нижней Волги, из-под Астрахани [Кистерёв, с. 45–46]. Известно, что астраханские соляные промыслы в то время занимали в России первое место по добычи соли [Коломинский, с. 14]. В начале 1620-х гг. Смирной Судовщиков также нес многие государевы службы: перевозил на своих судах царские хлебные запасы, исполнял обязанности таможенного головы в Нижнем Новгороде [Кистерёв, с. 44–45]. В январе 1620 г. Смирной вместе с другими купцами консультировал правительство по вопросу возможности пропуска английских купцов в Персию (разумеется, в том числе по Волге); примечательно, что среди консультантов был и купец Федот Котов [Кистерёв, с. 44], сделавший во время плавания в Персию в 1623 г. первое в истории описание города Самары. Текст Котова, написанный за 2 года до вклада Минеи в самарский монастырь, занимает всего несколько строк, ни о каких монастырях в нем не упоминается.

Понятно, что братья Судовщиковы были людьми состоятельными. Известно, что осенью 1625 г. они строили в Калуге церковь [Кистерёв, с. 43]. До московского пожара 1626 г. Константин имел в Москве, в Китай-городе, свой двор [Кистерёв, с. 44].

Таким образом, обстоятельства жизни и деятельности братьев Судовщиковых вполне согласуются с возможностью пожертвования ими в 1625 г. богослужебной книги в самарский Преображенский монастырь, который они, вероятно, не раз посещали во время своих торговых и служебных хождений по Волге.

В части, касающейся научного описания Минеи, вложенной в самарский монастырь, можно отметить, что в книге (Л. 71 об. второго счета) имеется еще одна запись (неинформативного характера): «1863 года марта 25 в понед. ст. нд.» (Понедельник Страстной недели³¹). Имеется (Л. 26 второго счета) оттиск круглой печати, на которой читается только слово «церковны(?)» [Кириллические издания, № 99, с. 115].

Некоторые листы Минеи реставрированы бумагой XVIII, начала XIX и начала XX в. Переплет книги – доски в коже с тиснением – датируется XIX в.; обклейка крышек и припереплетный лист из неперфорированной бумаги первой половины XIX в. [Кириллические издания, № 99, с. 114–115].

В Ростовский музей Минея поступила в 1920 г. из вещей В. П. Щапова [Кириллические издания, № 99, с. 115]. Владимир Петрович Щапов (1860–31.12.1919) происходил из старообрядческой купеческой семьи Ростова Великого, личный почетный гражданин, по профессии инженер-механик. Женат не был, потомков не имел. После кончины его имущество было описано, часть его, в том числе Минея 1622 г., передана в Ростовский музей [Крестьянинова, Никитина, с. 172–173]. При просмотре описания остальных книг, поступивших в Ростовский музей от В. П. Щапова, никакой дополнительной информации в отношении Самары или купцов Судовщиковых не обнаружилось.

Примечательно, что Самару с древним Ростовом Великим в историко-культурном отношении роднит то обстоятельство, что образцом для списка Жития Нифонта Констанцского, входящего в Самарскую рукопись 1628–1629 г., служил, скорее всего, текст этого Жития, написанный в Ростове Великом в 1219 г. при святом князе Васильке Константиновиче, герое борьбы с монгольскими захватчиками.

Исторический контекст самой древней известной на сегодняшний день книги, связанной с Самарой, – Минеи из музея Ростова Великого – расширяет, таким образом, представления об истории, культурных и экономических связях средневековой Самары.

³¹ В научном описании книги [Кириллические издания, № 99, с. 115] сокращение «ст. нд.» неверно интерпретировано как «святая неделя» (со знаком вопроса). Поскольку в 1863 г. на 25 марта пришелся понедельник Страстной недели, сокращение «понед. ст. нд.» следует читать: «Понедельник Страстной недели».

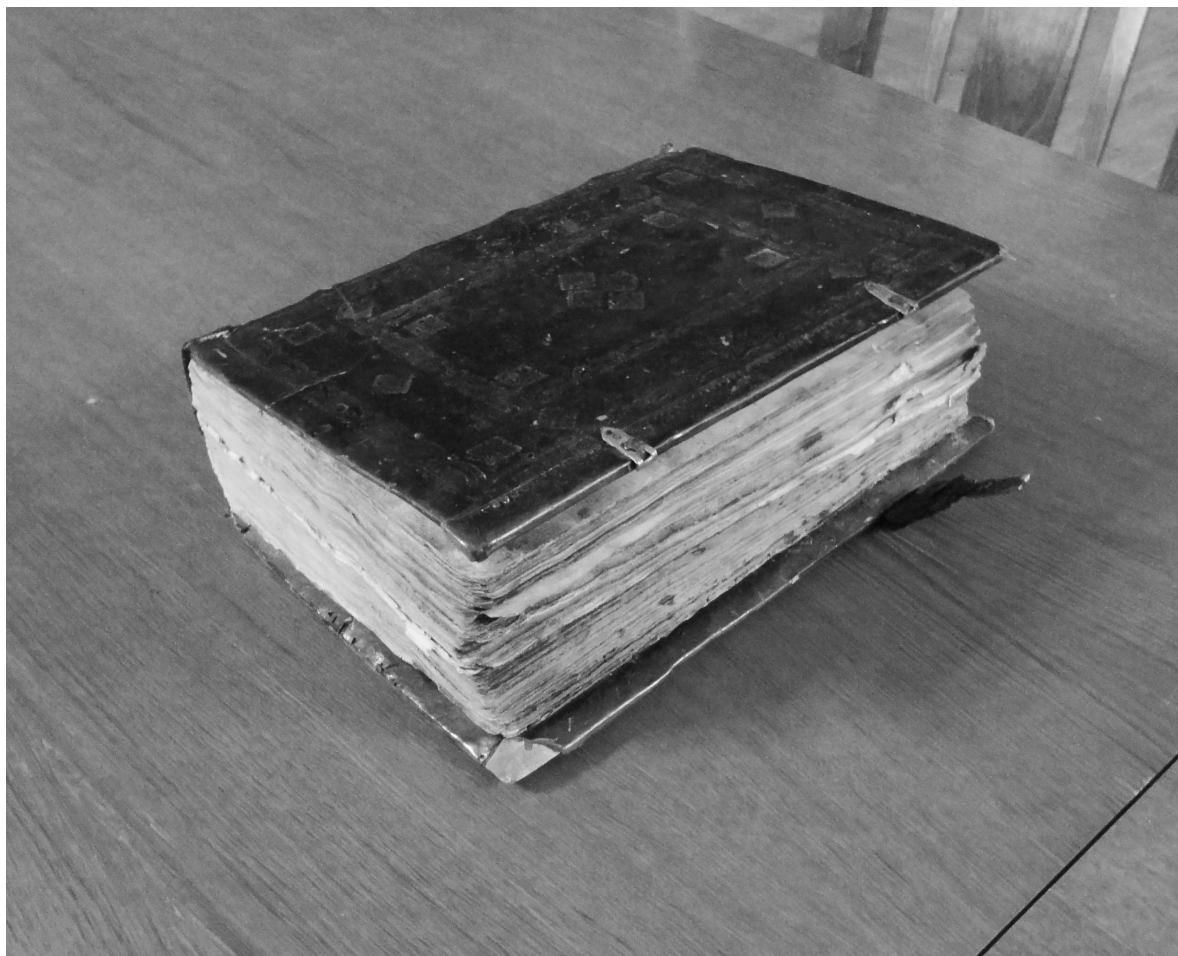


Рис. 1. Экземпляр Минеи 1622 г. издания (ГМЗРК Ц-2114), данный вкладом с самарский Спасо-Преображенский монастырь; общий вид

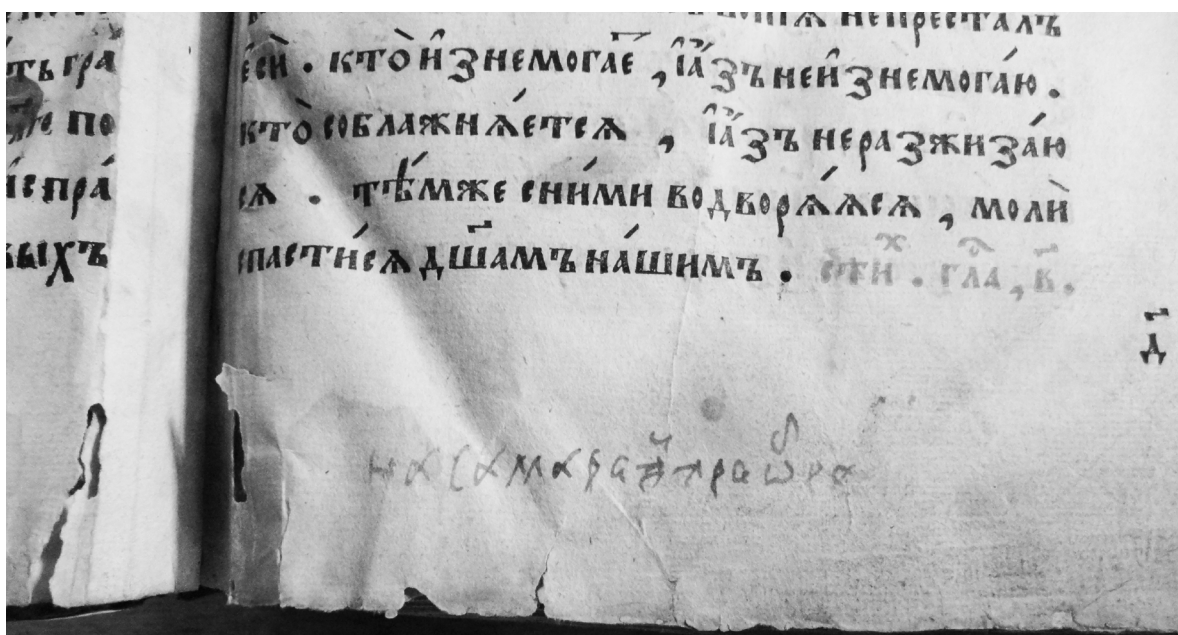


Рис. 2. Фрагмент скрепы на страницах Минеи 1622 г.: «на Самаре в Преображенский монастырь»

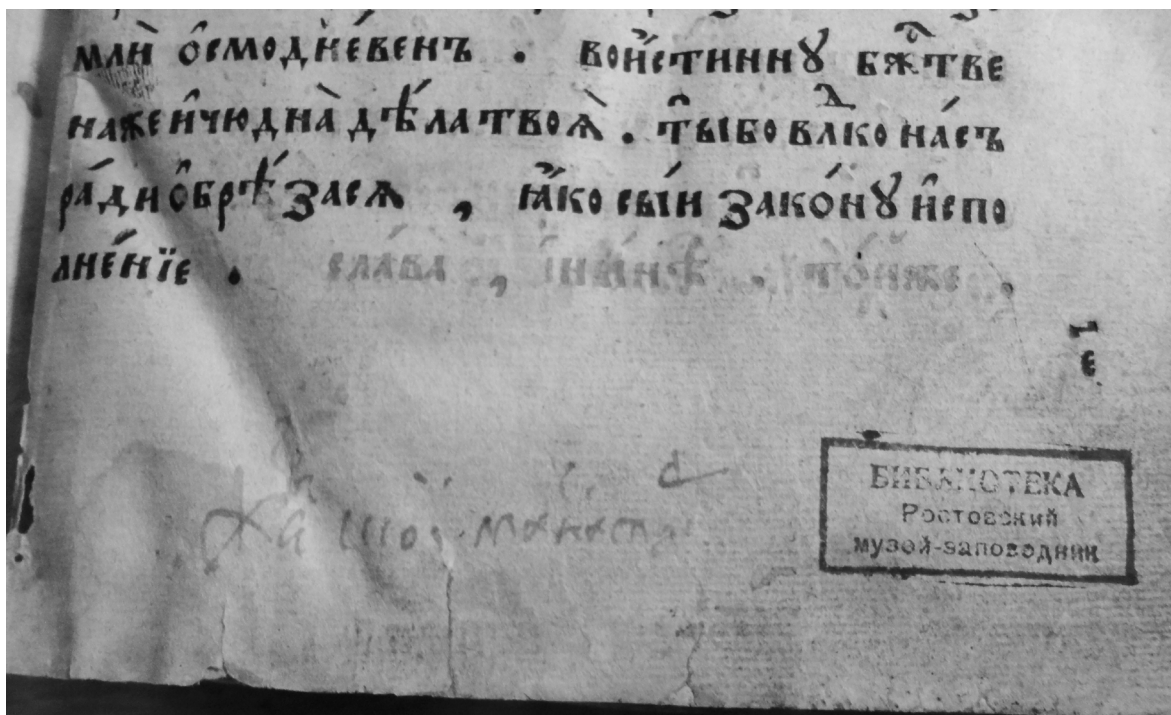


Рис. 3. Фрагмент скрепы на страницах Минеи 1625 г.: «на Самаре в Преображенский монастырь»

Литература

- Алабин П. В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города (историко-статистический очерк). Самара, 1877. [2], II, 744 с., 7 л. ил.
- Артамонова Л. М. Древние самарские храмы на старинной гравюре // Духовный собеседник. 1998. № 1. С. 183–188.
- Богоявленский С. К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006. 603 с., [2] л. цв. ил.
- Герасимов А. А. Самара и Самарский уезд XVII в. (по записным книгам Печатного приказа) // Классика самарского краеведения. Самара, 2006. Вып. 2. С. 188–257.
- Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1. 521 с.
- Дубман Э. Л. Начало православной Самары // Самарский земский сборник. 2005. № 2 (10). С. 16–25.
- Дубман Э. Л. Первые самарские монастыри // Самарский земский сборник. 2006. № 1–2 (13–14). С. 59–71.
- Елишин А. Г. Самарская хронология. Самара, 1918. Вып. 1. 52 с.
- Кириллические издания Ростово-Ярославской земли (1493–1652 гг.): каталог / Под ред. И. В. Поздеевой. Ярославль; Ростов, 2004. [Т. 1]. 628, [2] с., [16] л. ил.
- Кистерёв С. Н. Патриарх Гермоген и купцы Судовщиковы // Вестник «Альянс-Архео». М.; СПб., 2014. Вып. 4. С. 36–51.
- Коломинский С. Торговля солью на Руси в XVI–XVIII в. и общее состояние соляных промыслов в указанный период времени: Историко-экономический очерк. Киев, 1912. [2], 52, 10 с., 4 л. ил.
- Крестьянинова Е. И., Никитина Г. А. Граждане Ростова: история ростовского купечества XVII – начала XX века. Ростов Великий, 2009. 411, [4] с.
- Лебедь М. А. Деятельность Московского печатного двора как фактор укрепления российской государственности (на примере минейного комплекса первой трети XVII в.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 275 с.
- Макарий (Булгаков), митр. История Русской церкви. М., 1996. Кн. 6. 797, [1] с., [16] л. ил.
- Макаров А. И. Представители боярского рода Салтыковых и самарский список «Повести о Варлааме и Иоасафе» (1628–1629 г.). Ч. 1 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 3 (49). С. 86–97; Ч. 2 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 4 (50). С. 47–63. [Макаров, 2012а]

Макаров А. И. К вопросу об истории и топографии первых самарских храмов (комплексное изучение самарской рукописи 1628–1629 гг. как тематическое продолжение проекта по изучению материалов по установлению даты основания города Самары) // Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII–XIV вв.). Материалы научно-практической конференции. Самара, 2012. С. 98–106. [Макаров, 2012б]

Макаров А. И. Исторический и культурный контексты зарождения книжной культуры в Самаре (к 390-летию Самарской рукописи) // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2020. Т. 2. № 2. С. 3–15.

Макаров А. И. Бояре Салтыковы в истории и книжной культуре России XVII века (в печати).

Морозова Л. Е. Михаил Федорович // ВИ. 1992. № 1. С. 32–47.

Невоструев К. И. Историческое описание бывших в г. Самаре мужского Спасо-Преображенского и женского Спасского монастырей. М., 1867. [2], 14 с.

Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование: в 2 тт. СПб., 2018. Т. 1. 782, [1] с.

Поздеева И. В., Пушков В. П., Дадькин А. В. Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры, 1618–1652 гг.: От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона. М., 2001. 543, [1] с.

Рогов А. И. Книгопечатание // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 2. С. 155–169.

Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века. М., 1996. 286 с., [1] л. карт.

References

Alabin, P. V. Dvadsatipyatiletie Samary kak gubernskogo goroda (istoriko-statisticheskii ocherk) [Twenty-fifth Anniversary of Samara as a Provincial Capital (Historical and Statistical Essay)]. Samara, 1877. [2], II, 744 p., 7 s. of il.

Artamonova, L. M. Drevnie samarskie khramy na starinnoi gravyure [Ancient Samara Temples on an Old Engraving]. In *Dukhovnyi sobesednik*. 1998. No. 1. Pp. 183–188.

Bogoyavlenskii, S. K. Moskovskii prikaznyi apparat i deloproizvodstvo XVI–XVII vekov [Moscow Official Apparatus and Office Work in the 16th – 17th Centuries]. Moscow, 2006. 603 p., [2] s. of il.

Dubman, E. L. Nachalo pravoslavnoi Samary [The Beginning of Orthodox Samara]. In *Samarskii zemskii sbornik*. 2005. No. 2 (10). Pp. 16–25.

Dubman, E. L. Pervye samarskie monastyri [The First Samara Monasteries]. In *Samarskii zemskii sbornik*. 2006. No. 1–2 (13–14). Pp. 59–71.

Elshin, A. G. Samarskaya khronologiya [Samara Chronology]. Samara, 1918. Issue 1. 52 p.

Geraklitov, A. A. Samara i Samarskii uezd XVII v. (po zapisnym knigam Pechatnogo prikaza) [Samara and the Samara Uyezd of the 17th Century (According to the Notebooks of the Print Chancellory)]. In *Klassika samarskogo kraevedeniya*. Samara, 2006. Issue 2. Pp. 188–257.

Golikova, N. B. Privilegirovannye kupecheskie korporatsii Rossii XVI – pervoi chetverti XVIII v. [Privileged Merchant Corporations of Russia in the 16th – the First Quarter of the 18th Century]. Moscow, 1998. Vol. 1. 521 p.

Kirillicheskie izdaniya Rostovo-Yaroslavskoi zemli (1493–1652 gg.): katalog [Cyrillic Editions of the Rostov-Yaroslavl Land (1493–1652): Catalog]. Ed. I. V. Pozdeeva. Yaroslavl; Rostov, 2004. [Vol. 1]. 628, [2] p., [16] s. of il.

Kisterev, S. N. Patriarkh Germogen i kuptsy Sudovshchikovy [Patriarch Hermogenes and the Merchants Sudovschikovs]. In *Vestnik "Al'yans-Arkheo"*. Moscow; Saint Petersburg, 2014. Issue 4. Pp. 36–51.

Kolominskii, S. Torgovlya sol'yu na Rusi v XVI–XVIII v. i obshchee sostoyanie solyanykh promyslov v ukazannyi period vremeni: Istoriko-ekonomicheskii ocherk [Salt Trade in Russia in the 16th – 18th Centuries and the General State of Salt Industries in the Specified Period of Time: Historical and Economic Essay]. Kiev, 1912. [2], 52, 10 p., 4 s. of il.

Krest'yaninova, E. I., Nikitina, G. A. Grazhdane Rostova: istoriya rostovskogo kupechestva XVII – nachala XX veka [Citizens of Rostov: the History of Rostov Merchants of the 17th – early 20th Century]. Rostov Velikii, 2009. 411, [4] p.

Lebed', M. A. Deyatel'nost' Moskovskogo pechatnogo dvora kak faktor ukrepleniya rossiiskoi gosudarstvennosti (na primere mineinogo kompleksa pervoi treti XVII v.) [Activity of the Moscow Print Yard as a Factor of Strengthening of the Russian Statehood (On the Example of the Minaia Complex of the First Third of the 17th Century)]. Dissertation for the Degree of Candidate of History. Moscow, 2011. 275 p.

- Makarii (Bulgakov), Metropolitan. *Istoriya Russkoi tserkvi* [History of the Russian Church]. Moscow, 1996. Book 6. 797, [1] p., [16] s. of il.
- Makarov, A. I. Predstaviteli boyarskogo roda Saltykovykh i samarskii spisok "Povesti o Varlaame i Ioasafe" (1628–1629 g.). Ch. 1 [The Members of the Boyar Family Saltykovs and Samara Copy of "The Tale of Barlaam and Josaphat" (1628–1629). Part 2]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2012. No. 3 (49). Pp. 86–97; Part 2. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2012. No. 4 (50). Pp. 47–63. [Makarov, 2012a]
- Makarov, A. I. K voprosu ob istorii i topografii pervykh samarskikh khramov (kompleksnoe izuchenie samarskoi rukopisi 1628–1629 gg. kak tematicheskoe prodolzhenie proekta po izucheniyu materialov po ustanovleniyu daty osnovaniya goroda Samary) [To the Question of the History and Topography of the First Samara Temples (A Comprehensive Study of the Samara Manuscript of 1628–1629 as a Thematic Continuation of the Project to Study Materials on the Establishment of the Date of the Foundation of the City of Samara)]. In *Srednee Povolzh'e v kontekste srednevekovoi rossiiskoi istorii: na perekrestke kul'tur (konets XIII–XIV vv.). Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Samara, 2012. Pp. 98–106. [Makarov, 2012b]
- Makarov, A. I. Istoricheskii i kul'turnyi konteksty zarozhdeniya knizhnoi kul'tury v Samare (k 390-letiyu Samarskoi rukopisi) [Historical and Cultural contexts of the Origin of Book Culture in Samara (to the 390th Anniversary of the Samara Manuscript)]. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. Istoricheskie nauki*. 2020. Vol. 2. No. 2. Pp. 3–15.
- Makarov, A. I. Boyare Saltykovy v istorii i knizhnoi kul'ture Rossii XVII veka [Boyars Saltykovs in the History and Book Culture of Russia of the 17th Century] (in print).
- Morozova, L. E. Mikhail Fedorovich [Mikhail Fedorovich]. In *Voprosy istorii*. 1992. No. 1. Pp. 32–47.
- Nevostruev, K. I. Istoricheskoe opisanie byvshikh v g. Samare muzhskogo Spaso-Preobrazhenskogo i zhenskogo Spasskogo monastyrei [Historical Description of the Male Spaso-Preobrazhensky and Female Spassky Monasteries in Samara]. Moscow, 1867. [2], 14 p.
- Pavlov, A. P. Dumnye i komnatnye lyudi tsarya Mikhaila Romanova: prosopograficheskoe issledovanie [Duma and Room People of Tsar Mikhail Romanov: A Prosopographic Study]. In 2 vol. Saint Petersburg, 2018. Vol. 1. 782, [1] p.
- Pozdeeva, I. V., Pushkov, V. P., Dadykin, A. V. Moskovskii pechatnyi dvor – fakt i faktor russkoi kul'tury, 1618–1652 gg.: Ot vosstanovleniya posle gibeli v Smutnoe vremya do patriarkha Nikona [The Moscow Print Yard – a Fact and a Factor of Russian Culture, 1618–1652: From the Restoration after the Death in the Time of Troubles to Patriarch Nikon]. Moscow, 2001. 543, [1] p.
- Rogov, A. I. Knigopechatanie [Book Printing]. In *Ocherki russkoi kul'tury XVII veka*. Moscow, 1979. Part 2. Pp. 155–169.
- Shvatchenko, O. A. Svetskie feodal'nye votchiny v Rossii vo vtoroi polovine XVII veka [Secular Feudal Fiefdoms in Russia in the Second Half of the 17th Century]. Moscow, 1996. 286 p., [1] s. of maps.

Andrey I. Makarov

Samara State Institute of Culture, Samara;

Pashkov Dom Publishing House of the Russian State Library, Moscow, Russia

BOOK CONTRIBUTION OF 1625 IN THE SAMARA TRANSFIGURATION MONASTERY AS A HISTORICAL SOURCE

Study of the origin of the book culture in Samara in the 1st half of the 17th century opens up new aspects of the city's and the region's history. The article is devoted to a printed book – the January Minaia (1622), given within the 1625 contribution to the Samara monastery. This book is by far the oldest work of printing associated with Samara. The research of the circumstances of this contribution expands understanding of the history of the first monasteries of Samara, as well as cultural and economic ties of the city.

Keywords: Samara, Minaia, Samara Transfiguration Monastery, boyars Saltykovs, merchants Sudovshchikovs